

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО, ОБОРОНА И БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

А.А. Кокошин, Ю.Н. Балувский, В.Я. Потапов*

ВЛИЯНИЕ НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ ТЕХНОЛОГИЙ И СРЕДСТВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ НА ВОЕННОЕ ИСКУССТВО**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Одной из отличительных черт развития современных международных отношений является их своеобразное «уплотнение» — резкое усложнение и ускорение взаимодействия между различными государственными и негосударственным акторами, в основе которого лежат процессы глобализации и сопровождающие их масштабные трансформации в политике, экономике и социальной сфере; революционное воздействие новейших информационно-коммуникационных и когнитивных технологий, робототехники. В этих условиях неизбежно претерпевают существенные изменения и военное дело, меняются представления о характере, целях, возможностях и границах применения военной силы. При этом наблюдается определенное отставание в процессе научного теоретического осмысления возможностей и последствий использования новейших технологических достижений в военной сфере, их влияния на соотношение различных компонентов военного искусства — стратегии, оперативного искусства и тактики. В данной статье освеще-

* *Кокошин Андрей Афанасьевич* — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aakokoshin@gmail.com); *Балуевский Юрий Николаевич* — генерал армии в отставке, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в 2004—2008 гг., советник Главнокомандующего внутренними войсками МВД России (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru); *Потапов Владимир Яковлевич* — генерал-полковник в отставке, заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации в 1998—2004 гг., доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: safety@vosafety.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

ны ключевые особенности применения военной силы в современных мирополитических условиях, обозначены наиболее перспективные направления дальнейшего развития вооруженных сил ряда держав. Особое внимание авторы уделяют проблеме контроля и управления военными операциями всех уровней. В этой связи подробно проанализированы концепции «интегрального полководца» и «операций на основе эффектов». Развитие современных информационно-коммуникационных технологий позволяет вывести боевое управление на качественно новый уровень, использовать их для решения самого широкого спектра задач, однако в то же время появляются повышенные требования к обеспечению стратегической, оперативной и тактической мобильности вооруженных сил, качеству «человеческого капитала». Отмечается возрастающая роль высокоточного оружия, воздушно-космических вооружений, нетрадиционных, в том числе нелетальных, средств поражения. В совокупности отмеченные тенденции формируют комплекс вызовов национальной безопасности Российской Федерации, диктующий необходимость разработки ряда новых подходов к управлению в сфере национальной безопасности, увязывающих деятельность различных ведомств в рамках политической стратегии. В этой связи авторы вновь обращаются к концепции «интегрального полководца» А.А. Свечина, отмечая актуальность заложенных в ней идей и принципов в современных условиях.

Ключевые слова: военное искусство, глобализация, революция в военном деле, стратегия, оперативное искусство, тактика, информационно-коммуникационные технологии, робототехника, «интегральный полководец», «операции на основе эффектов», мобильность, избирательность, высокоточное оружие, ядерное оружие.

Эволюция международных отношений на современном этапе происходит под влиянием целого ряда масштабных изменений не только в политике, экономике, социальной сфере, но также в области науки и технологий. В последние десятилетия наблюдаются зримое ускорение в развитии информационно-коммуникационных и биотехнологий, совершенствование микроэлектроники, робототехники, прорывы в сфере производства новых материалов. Все это не только изменяет повседневную жизнь социума, но и оказывает трансформирующее воздействие на военное дело, в частности на представления о границах и способах применения военной силы, приводя к производству новых образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), что в свою очередь влияет и на мировую политику.

Современные отечественные военные теоретики стараются фиксировать и осмысливать данные изменения¹ [Воробьев, Киселев,

¹ Гареев М.А. Характер будущих войн // Право и безопасность. 2013. № 1–2. Доступ: http://dprg.ru/pravo/pravo_5_4.htm (дата обращения: 15.11.2015).

2008, 2010; Усиков, Бурутин, Гаврилов, Ташлыков, 2008; Горбунов, Богданов, 2009; Паршин, Горбачев, Кожанов, 2011; Буренок, 2010; Буренок, Ивлев, Корчак, 2009; Буренок, Гладышевский, 2015], однако воздействие указанных трансформаций на соотношение различных компонентов военного искусства — стратегии, оперативки и тактики — по-прежнему остается недостаточно исследованным. Данная статья ориентирована на то, чтобы расширить и углубить представления по этим вопросам, и в некотором смысле является продолжением и развитием подходов, которые были изложены в статье о влиянии ядерного фактора на отечественную теорию войны, опубликованной в предыдущем номере этого издания и подготовленной в рамках многолетнего научного проекта, реализуемого факультетом мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

* * *

В современных условиях военная сила остается исключительно важным инструментом внешней политики значительной части государств, особенно тех, которые занимают наиболее видное положение на международной арене. При этом прямое и непрямое применение военной силы приобретает все более многомерный, многоплановый характер. Огромную роль в международных отношениях играет прямая и скрытая угроза военных конфликтов на всех уровнях военного искусства — стратегическом, оперативном и тактическом.

Собственно вооруженная борьба в войнах, операциях по принуждению к миру, миротворческих операциях тесно переплетается с одновременными активными действиями в информационно-пропагандистской сфере (в том числе с ведением «психологической войны»), с дипломатией, разнообразными мерами экономического порядка (включая оказание гуманитарной и экономической помощи в зоне конфликта), действиями сил специальных операций. Все более важную роль начинает играть противостояние в киберпространстве — вплоть до проведения боевых киберопераций и нанесения киберударов. Это значительно усложняет процессы стратегического управления (руководства), обеспечения оптимального распределения во времени и пространстве усилий, связанных с применением военной силы для получения необходимого политического результата. Очевидно, что отработанные в предыдущие десятилетия методы, приемы управления по цепочке «политика — военная стратегия — оперативное искусство — тактика» требуют значительной модернизации, коррекции. Можно со всей определенностью гово-

речь о росте политизации, социализации и информатизации указанной проблематики.

Применение военной силы осуществляется теми или иными государствами в условиях серьезных ограничений, носящих военно-технический, политический, экономический, гуманитарный и правовой характер. Одним из ограничителей по масштабам и интенсивности боевых действий в современной мировой политике выступает возрастающая взаимозависимость ее главных акторов. Происходит как бы «уплотнение» взаимодействия государств и негосударственных игроков в политической, гуманитарной, информационной, социальной и, конечно, финансово-экономической сферах. Уже на протяжении по крайней мере двух десятилетий существует глобальный финансовый рынок.

В современной мировой экономике при изменении ситуации на финансовых рынках за счет развития телекоммуникаций информация распространяется практически мгновенно; принимать решения о перемещении капитала тысячам инвесторов и их агентов приходится моментально, в реальном времени, не имея возможности проводить предварительный анализ и прогноз развития обстановки в целом. Экономическая взаимозависимость одновременно сделала многие страны весьма чувствительными к внешним воздействиям. Одна из новых черт мировой экономики в условиях ее глобализации — резко возросшая скорость возникновения и распространения кризисов на финансовых рынках, к которым могут привести военные действия различного масштаба и интенсивности в тех или иных районах мира.

Рост взаимозависимости государств и негосударственных акторов мировой политики и мировой экономики составляет основу процессов глобализации. Как справедливо отмечает генерал армии М.А. Гареев в своей работе, посвященной характеру будущих войн, изолироваться от указанных процессов нельзя². При этом глобализацию необходимо рассматривать и как реальность современного мира, и как определенную (весьма агрессивную) идеологию, во многом имеющую деструктивный характер для многих государств и обществ.

Глобализация — это долговременный процесс, начавшийся в последней трети XIX в. и ярко проявившийся в двух мировых войнах XX столетия, когда военные действия развернулись действительно в глобальном масштабе, охватив практически все континенты и ведущие государства той эпохи. Такой характер взаимоотношений между главными акторами мировой политики, особенности миро-

² Там же.

вых войн, использованных в них боевых и вспомогательных средств (в том числе средств стратегической мобильности) предъявили новые требования и к военной стратегии, и к оперативному искусству.

Важный вопрос в современной системе мировой политики — избирательность или неизбирательность использования тех или иных сил и средств. Применение военной силы со значительным «сопутствующим ущербом» (по терминологии Вооруженных сил США) ведет к дополнительному осуждению таких действий во многих странах; в ряде случаев наличие значительного «сопутствующего ущерба» может спровоцировать обратный политический эффект.

* * *

Среди новейших тенденций в сфере вооруженной борьбы необходимо отметить в первую очередь существенно возросшую роль информационно-коммуникационных технологий, новые возможности радиоэлектронной борьбы (РЭБ), роботизацию ударных и вспомогательных средств (наиболее яркие примеры — участвовавшее использование беспилотных разведывательно-ударных комплексов, средств стратегической, оперативной и тактической мобильности и др.). Эта тенденция прослеживается уже на протяжении нескольких десятилетий и будет сохраняться в обозримой перспективе.

Все более заметную роль в обеспечении эффективных боевых действий (операций) играют средства для высокопроизводительных вычислений. На их основе создаются модели боевых действий (операций), логистического сопровождения, интеллектуальной поддержки принятия решений (в том числе с использованием технологий «искусственного интеллекта»). Высокопроизводительные вычисления стали крайне востребованы для проведения киберопераций, включая оборонительные и наступательные действия в области криптографии. Наличие в системах управления войсками (силами) достаточно мощных (и защищенных) электронных вычислительных машин с соответствующим программным наполнением (и современными математическими моделями) становится все более важным фактором в прогнозировании применения различных сил и средств на оперативном и тактическом уровнях, в сосредоточении и развертывании, в тыловом обеспечении. Новейшие технологии играют большую роль в обработке информационных и разведанных (поступающих из самых разнообразных источников, в том числе получаемых от спецслужб различной ведомственной принадлежности и находящихся в открытом доступе), в целеуказании, осуществлении функции контроля над обстанов-

кой в целом, деятельностью собственных соединений, частей и подразделений. В последние несколько лет все более рельефно стоит вопрос о развертывании в ряде стран научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по созданию квантовых компьютеров — вычислительных машин на принципиально новой научно-технической основе.

Радиоэлектронная борьба на наших глазах превратилась из вспомогательного, обеспечивающего в одно из первостепенных направлений боевого обеспечения. При этом РЭБ уже давно не сводится к радиоэлектронному подавлению, а становится все более тонким инструментом противоборства и в мирное, и в военное время, требующим высокого интеллекта и соответствующего профессионализма. Отечественные специалисты И.Н. Воробьев и В.А. Киселев обоснованно отмечают, что значение РЭБ поднялось с тактического на стратегический уровень, при этом возникла материальная основа для проведения специальных информационных и информационно-блокирующих операций [Воробьев, Киселев, 2008].

Обеспечение *информационного превосходства* стало «альфой и омегой» современного военного искусства (которое во все большей мере приобретает черты высокоразвитой прикладной науки). Справедлив вывод о том, что в современных условиях «информация стала своего рода оружием», что «она не просто дополняет огонь, удар, маневр, а трансформирует и объединяет их» [Воробьев, Киселев, 2010].

В свою очередь информационное превосходство является одним из важнейших условий *достижения господства в воздухе*; последнее было определено как наиболее значимый фактор обеспечения успеха боевых действий еще в конце Первой мировой войны. Завоевание господства в воздухе позволяло добиться победы в подавляющем большинстве локальных войн и вооруженных конфликтов последних 20–30 лет.

Многие отечественные эксперты, в частности Н. Балахонцев и А. Медин, обоснованно пишут о том, что *операция* войск (сил) сохраняется как главная форма военных действий. При этом «появляется возможность всеобъемлющего воздействия на противника одновременно в воздушно-космическом пространстве, на суше и на море, а также в информационной сфере <...> на всю глубину территории противника (или оперативного построения его сил) с различных направлений» [Балахонцев, Медин, 2003]. Они же подчеркивают, что это предъявляет возрастающие требования к уровню оперативного искусства, умению объединить для успеха операции самые разнородные компоненты. Одним из важнейших условий эффективности боевых действий становится их «логико-времен-

ное построение» — четкое определение «логической последовательности этапов, выстроенных по степени и важности» [Балахонцев, Медин, 2003]. Одновременно растут требования к многовариантности планирования операций, гибкости реализации планов в зависимости от изменения реальной обстановки.

Операции в современных условиях могут осуществляться и с привлечением значительно меньших по количеству войск (сил), чем это было в Великой Отечественной войне и предусматривалось военной теорией на протяжении целого ряда десятилетий в послевоенные годы.

Генерал В.А. Золотарев, давая оценку тенденциям развития современного оперативного искусства, отмечал: «В оперативном искусстве современных Вооруженных сил России отмечается постепенный отход от применения традиционных группировок войск (сил), состоящих из фронтов, армий и армейских корпусов». При этом «просматривается новая тенденция перехода к смешанным (объединенным) группировкам с включением в них сил и средств всех силовых структур страны как в стратегических континентальных районах, так и на стратегических и операционных направлениях» [Золотарев, 2002: 187].

При осуществлении операций даже с точки зрения чисто военной эффективности необходимо все больше учитывать социально-политические и социокультурные характеристики той зоны, в которой ведутся боевые действия. Одна из важных задач — минимизация потерь среди мирного населения, поскольку большие потери такого рода могут иметь негативные политические последствия. Во многих случаях это выдвигает требования не только повышенной селективности в применении оружия, но и максимального сокращения сроков вооруженной борьбы.

В отечественной военной мысли отмечается появление понятия «*войсковая операция*». Это связано с опытом проведения сравнительно масштабных действий разнородных сил и средств на территории РФ с участием формирований из различных ведомств — Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Федеральной пограничной службы, Федерального агентства правительственной связи и информации, Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и др. [Усиков, Бурутин, Гаврилов, Ташлыков, 2008: 25].

Войсковые операции могут быть контртеррористическими, контртеррористическими, антисепаратистскими, противоповстанческими и др. [Усиков, Бурутин, Гаврилов, Ташлыков, 2008: 25]. Для проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе осенью 1999 г. были созданы три группировки сил и средств различных ве-

домств РФ — «Западная», «Северная» и «Восточная» общей численностью более 87 тыс. человек со значительным количеством танков и других бронированных машин, орудий и минометов, вертолетов (во главе с генералами В.А. Шамановым, Н.Ф. Ткачевым и Г.Н. Трошевым). Кроме того, в Объединенной группировке войск (сил) — ОГВ(с), — сформированной для проведения этой операции, были группировки фронтовой и армейской авиации, ракетных войск и артиллерии, средств тылового и технического обеспечения [Макар, Ташлыков, Азисский, 2008: 339–340].

Современная операция тоже во все большей мере должна быть предметом не просто «свободной творческой деятельности полководца», а результатом огромной предварительной аналитической работы по ее подготовке и планированию, в том числе с использованием научных знаний. Таким образом, термин *«оперативное искусство»* следует признать не совсем адекватным. Представляется, что в современных многомерных политических, экономических, информационных и социокультурных условиях применения военной силы стоит вопрос о политическом управлении не только военной стратегией (стратегическими действиями), но и операциями.

В настоящее время и *военная стратегия*, и непосредственно политика могут ставить задачи по проведению операций, в том числе сравнительно небольшими контингентами войск (сил) — вплоть до нескольких батальонов (и сопоставимого количества ударных авиационных средств, средств противовоздушной обороны (ПВО), военно-морских сил), в условиях ограниченных по политическим целям и пространственному размаху боевых действий.

Одной из важнейших функций управления является контроль (над положением в том числе своих войск, над тем, как поняты отданные приказы, как инициативные действия нижестоящих командиров вписываются в общую линию поведения и т.п.). Во многих случаях доступные технические средства в принципе могут обеспечивать решение задач контроля, причем не только для руководства военного ведомства, Генштаба, но и для представителей высшего государственного руководства страны, входящих в команду «интегрального полководца». Это относится и к лицам, несущим основную ответственность за политико-дипломатическое и информационно-пропагандистское обеспечение применения военной силы.

В современных условиях даже то, что ранее считалось тактическим уровнем действий, может иметь непосредственное военно-стратегическое и даже политическое значение. Тем более это справедливо в отношении оперативного искусства.

Следует также обратить внимание на сокращение сроков боевых операций и обусловленные этим требования ко всем компонентам

военно-политической системы и к ее части — политико-военному руководству страны (отметим, что, как и в отечественной литературе по проблемам оборонной безопасности, речь идет именно о «политико-военном руководстве», которое должно опираться на четкое понимание примата политики по отношению к военной стратегии, военному искусству в целом). Происходит усиление возможностей командования (включая высших лиц государства) контролировать действия своих войск (сил) вплоть до тактического звена (разумеется, при наличии высокоустойчивых к внешнему воздействию, защищенных средств управления, связи и наблюдения за обстановкой).

В современных условиях действия отдельной группы специального назначения, роты и батальона могут (и должны в ряде случаев) в зависимости от конкретной политико-военной ситуации оказаться предметом внимания высшего руководства страны; их успех или неуспех может привести к значительным политическим результатам — как положительным, так и отрицательным. В этой связи следует снова, на наш взгляд, вернуться к вопросу о контроле как исключительно важном компоненте управления (руководства). Наличие такого контроля во многих случаях позволяет в том числе избежать потерь от тех или иных собственных средств, особенно при взаимодействии ударной авиации и пехоты, и обеспечить минимальные размеры «сопутствующего ущерба» для гражданского населения, оказавшегося в зоне боевых действий. Представляется, что функция контроля во многом остается недооцененной в отечественной теории и практике политико-военного управления.

Ряд российских специалистов (прежде всего генерал-майор В.А. Золотарев) небезосновательно отмечают, что в реальных условиях нашей страны, с учетом всех традиций в военном деле и в управлении в целом, усиление функции контроля на тактическом и оперативном уровнях может привести к сковыванию инициативы командующих и командиров. В связи с этим сама концепция контроля применительно к нашим условиям требует дополнительной проработки, чтобы управление не носило жесткого и прямолинейного характера. Реализация узко понимаемой функции контроля может усилить боязнь подчиненных перед вышестоящими начальствующими лицами, а те в свою очередь постараются переложить на них ответственность.

Опять же отметим, что это не сугубо военная, а политико-военная проблема, требующая соответствующего технического оснащения и специальных организационных решений (беспилотные летательные аппараты, дополнительные каналы передачи инфор-

мации и средства ее обработки, программные продукты, средства отображения информации и др.).

Одновременно возрастает значение наличия у нижестоящих командиров инициативности (основанной на высоком уровне профессионализма) при выборе как способов действий, так и средств, которые ранее традиционно были вне компетенции не только, например, командира батальона, но даже командования бригады или дивизии (удары фронтовой истребительно-бомбардировочной авиации, крылатых ракет большой дальности, запускаемых с тяжелых бомбардировщиков, многоцелевых подводных лодок, надводных кораблей и т.п.). Фактически классические тактические действия обретают значимость, присущую уровню оперативного искусства, а в ряде случаев — и стратегических действий.

В США в последние годы большой популярностью среди военных пользуется концепция «операций на основе эффектов», которые должны проводиться объединенными группировками войск. Считается, что использование информационных технологий для ускорения циклов разведки, адекватного проецирования сил на удаленный театр военных действий (ТВД), сокращения времени переброски войск, планирования операций и нанесения высокоточных ударов огневыми и иными средствами воздействия во многом изменяет характер современного военного искусства. И «эффективность ударов и операции в целом измеряется не объемами разрушений, а результативностью воздействия на противостоящую сторону; при этом это воздействие не должно приводить к побочным жертвам среди гражданского населения и поражению инфраструктуры его жизнеобеспечения» [Паршин, 2009: 15]. Такого рода концепции заслуживают самого пристального внимания, хотя новизна их относительна. Подобные установки были характерны, в частности, для германского вермахта конца 1930-х — начала 1940-х годов. Тогда ставка в первую очередь делалась на нарушение системы управления войсками, подавление воли к сопротивлению другой стороны без «перемалывания» крупных масс войск собственно средствами поражения.

По мнению С.А. Паршина, в соответствии с подобными концепциями высокая результативность действий достигается прежде всего благодаря таким компонентам, как: опережающие противника циклы разведки; соответствие разведывательных данных обстановке реальному состоянию боевого пространства ТВД; проведение массивных информационных операций (киберопераций, психологических операций) и применение сил специального назначения для вывода из строя объектов критической инфраструктуры; избирательные удары высокоточным оружием. Должное при-

менение всех этих компонентов направлено на дезорганизацию либо дезориентацию государственно-политического руководства и военного командования противника, на подавление его воли, принятие ошибочных решений его командными звеньями различного ранга [Паршин, 2009: 16].

При этом небезосновательно считается, что «операции на основе эффектов» результативны при любом варианте применения военной силы — от оказания гуманитарной помощи до полномасштабной войны на ТВД. В ходе таких боевых действий (операций) может использоваться оружие как летального, так и нелетального воздействия. При этом последнее получает все большее применение против личного состава противника, различных видов его ВВСТ, а также объектов инфраструктуры.

Сегодня превалирующим принципом ведения войны, как показывает детальное изучение среднесрочных, долгосрочных и сверхдолгосрочных тенденций в эволюции военного дела, становится мобильность (стратегическая, оперативная, тактическая). Мобильность в реальных действиях вооруженных сил разных государств является *более важным фактором, чем заблаговременное сосредоточение сил на направлении главного удара, а в ряде случаев даже заменяет последнее*. Значение этого фактора в тактическом и оперативном масштабах подчеркивалось в советских разработках по теории «глубокого боя» и «глубокой операции» еще в 1920—1930-е годы. Мобильность была предметом особого внимания в вермахте нацистской Германии со ставкой на танковые и моторизованные части и соединения при исключительно плотной поддержке их авиацией (особенно пикирующими бомбардировщиками).

В сочетании с единым информационным пространством (и соответствующей системой оперативной и боевой подготовки, экипировкой и оснащением военнослужащих и боевых групп) мобильность позволяет вести *многоочаговые боевые действия в диспергированных (рассеянных) боевых порядках, расфокусируя внимание противника* (тенденцию к разрежению боевых порядков весьма рельефно в свое время отметил генерал-фельдмаршал Альфред фон Шлиффен, возглавлявший длительное время германский Генеральный штаб в конце XIX — начале XX в.).

В современной войне без сплошных линий фронта, с многоочаговостью боевых действий возрастает удельный вес сил и средств спецопераций, которые берут на себя ряд задач, прежде присущих сухопутным силам. Именно в частях спецназа видна особая ценность каждого бойца, что является одной из важнейших характеристик современного военного дела, в котором, как никогда, на первое место ставится качество личного состава. В этой связи не-

обходимо ввести в соответствующие наставления и боевые уставы понятия специальных операций как нового вида боевых действий.

Значительно возросла «объемность» («трехмерность») боев и операций — за счет роли воздушных средств поражения (включая разведывательно-ударные беспилотные летательные аппараты), воздушных и космических средств разведки, целеуказания, связи, использования вертолетов и самолетов для переброски различных подразделений, частей и т.п. и десантирования. Для России с ее необъятными просторами, разнообразием условий ведения боевых действий и задач для вооруженных сил все виды мобильности имеют особое, чрезвычайное значение, не до конца осознанное даже в отечественном экспертном сообществе.

Стратегическая и оперативная мобильность часто зависят от политических факторов и обстоятельств, либо создающих условия для реализации военных возможностей по обеспечению мобильности, либо препятствующих этому. Недавний пример — политическая позиция одного из, казалось бы, наиболее лояльных союзников США по НАТО — Турции, воспрепятствовавшей своевременной переброске довольно крупного американского контингента в ходе американо-английской агрессии против Ирака в 2003 г.

С учетом качественно нового этапа развития сил и средств воздушно-космического нападения, которые потенциально могут быть применены против Российской Федерации, приобретает особую значимость разработка современных подходов в отношении систем и средств ПВО, противоракетной (ПРО) и противокосмической обороны (ПКО) на всех уровнях — стратегическом, оперативном, тактическом, с постановкой реалистичных задач для них применительно к конкретным театрам, видам и типам боевых действий, различным вариантам обострения политико-военной обстановки. Формулировка таких задач должна осуществляться с учетом прогнозируемых и планируемых ресурсных возможностей государства — бюджетно-финансовых, демографических, научно-технических. Необходимо и учет такого все более важного для вооруженных сил ресурса, как «человеческий капитал». Без наличия в Минобороны России, в Вооруженных силах РФ (а также в оборонной промышленности и науке) достаточной критической массы этого ресурса невозможны ни освоение самой современной техники, ни построение эффективных систем управления, ни ведение успешных с политической и военной точек зрения боевых действий. Высококачественного «человеческого капитала» требует и разведка — как военная (в стратегическом, оперативном и войсковом сегментах), так и политическая, которая в значительной мере также должна

решать задачи обеспечения обороноспособности и национальной безопасности страны.

Особого рассмотрения требуют вопросы роли в вооруженной борьбе космического пространства. Многие параметры такого рода борьбы нуждаются в детальной проработке с учетом всего комплекса не только военно-технических, но также политических и правовых факторов. Необходим в том числе учет долгосрочных тенденций в развитии противоспутниковых средств (этот вопрос актуален по крайней мере с конца 1950-х годов и весьма далек от однозначного понимания даже сегодня). Космос в современных условиях уже значительно милитаризован (за счет средств разведки, целеуказания, связи, навигации и др.), но в нем еще не размещены ударные средства поражения космических объектов и средства поражения «космос—земля». Не получили пока широкого распространения и специальные противоспутниковые средства, как это предполагалось еще в СССР и США в начале 1980-х годов (в том числе за счет кинетического поражения, пучкового и лазерного оружия, использования электромагнитного импульса (ЭМИ), а тем более суперЭМИ).

В целом необходим детальный реалистичный анализ тенденций развития «нетрадиционных» средств поражения — долгосрочных, среднесрочных, краткосрочных.

Надо помнить, что о превращении определенных научных идей и технологий в те или иные системы вооружений во многих случаях речь шла еще несколько десятилетий назад, но «прорывы», как правило, откладывались на более позднее время. Один из примеров этого — создание управляемых гиперзвуковых летательных аппаратов, подходы к разработке которых возникли еще в 1970-е годы [Научно-технический прогресс и революция в военном деле, 1973: 47–50] (военные эксперты того времени заявляли, что искомое оружие потребует НИОКР в течение примерно 10 лет [Научно-технический прогресс и революция в военном деле, 1973: 69]). Подобные оценки снова получили широкое распространение в 1980-е годы, когда в США была развернута многомиллиардная программа НИОКР «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ).

Среди крупнейших вопросов, стоящих на повестке дня в военном деле, следует упомянуть также возможность появления тех или иных «нетрадиционных» средств — так называемого оружия на новых физических принципах (с учетом того, что эти принципы известны в науке, как правило, уже 40–50 лет) — и его влияния на общую устойчивость военно-стратегического равновесия (стратегическую стабильность). В этой связи нельзя не вспомнить, как и в случае с гиперзвуковыми летательными аппаратами, вопрос

о создании мощных лазеров как систем вооружений «для поражения головных частей ракет» (в частности, газовых лазеров, работающих на основе окиси углерода). Правда, рассматривался уже довольно широкий спектр потенциальных лазерных систем — с использованием эксимерных лазеров, лазеров на свободных электронах, рентгеновских лазеров, гамма-лазеров и др. [Велихов, Кокосин, Сагдеев, 1986].

Вся новейшая техника в нынешних условиях, как и в предыдущие этапы развития военного искусства, соседствует с традиционной, свойственной «дореволюционному периоду», но с существенным добавлением современных технологий (это касается, в частности, танков и других боевых бронированных машин, авианосцев и т.д.). Некоторые боевые платформы, уже более полувека находящиеся в строю, такие как стратегические бомбардировщики Ту-95МС, еще определенное время будут находить свое применение. Обоснованным представляется и решение руководства Минобороны России о возобновлении производства тяжелого бомбардировщика Ту-160 как платформы для все более совершенного ракетного оружия большой дальности — в ядерном и неядерном оснащении.

Одной из важнейших характеристик ядерного оружия изначально, как мы уже отмечали, была его *неизбирательность*, и все десятилетия после Второй мировой войны разработчики вооружений стремились это преодолеть. В данном направлении развивались (и развиваются) все виды ядерных боеприпасов и средств доставки — и тактических, и оперативно-тактических, и стратегических; основной тенденцией стало уменьшение мощности боезарядов и повышение их точности, в том числе ради поражения высокозащищенных объектов без какого-либо значительного «побочного эффекта». Одновременно разрабатывались различные концепции ограниченной ядерной войны, «управляемых ядерных конфликтов». Стремлением уйти от неизбирательности в значительной мере можно объяснить создание разных видов высокоточного оружия в неядерном снаряжении, включая дальнобойные средства.

Все более важным компонентом последней революции в военном деле стало отмеченное нами бурное развитие многообразного нелетального оружия, которое используется в самых различных невоенных действиях армии (и других силовых структур). Такое вооружение имеет значительный потенциал применения в ходе военных конфликтов (против некомбатантов в определенных ситуациях, ведущих боевые действия войск), когда возникает угроза дестабилизации тыла теми или иными организациями без использования боевого оружия.

Прорывные достижения в информационных технологиях дали возможность обнаруживать противника и избирательно уничтожать его высокоточным оружием с неядерными боеприпасами. При этом боевые платформы — корабли и самолеты — могут находиться за сотни и даже тысячи километров от «поля боя». Для современного и перспективного военного искусства в значительной мере характерен именно возврат к избирательности применения сил и средств — это, безусловно, не означает полной нейтрализации «сопутствующего ущерба». Одновременно можно отметить стремление максимально защитить свои войска, снизить собственные потери, чтобы в том числе обеспечить более благоприятные условия для применения военной силы на всех уровнях — стратегическом, оперативном, тактическом.

* * *

Для России вопрос об использовании военной силы (как в прямом, так и в косвенных, опосредованных вариантах) в качестве инструмента политики остается исключительно актуальным. Речь идет прежде всего о предотвращении различных видов агрессии против Российской Федерации или ее союзников, обеспечении надежного ядерного и неядерного (предъядерного) стратегического сдерживания. Для этого всегда необходимо самым тщательным образом определять *политические* цели военной стратегии и решения задач на оперативном уровне. При планировании прямого и непрямого применения военной силы в современных условиях требуется еще более тщательное дозирование — может быть контрпродуктивной как избыточность в данном вопросе, так и недостаточность. Ядерное сдерживание остается сегодня самой осязаемой формой небоевого применения военной силы, а для России играет особую роль. Не менее актуальным для обеспечения национальной безопасности нашей страны является вопрос о стратегическом неядерном сдерживании, особенно с применением обычных высокоточных дальнобойных средств поражения. Тезис о неядерном стратегическом сдерживании обоснованно включен в новую редакцию Военной доктрины Российской Федерации, обнародованную в декабре 2014 г.

Нельзя не остановиться еще раз на всем комплексе проблем надежного, устойчивого управления. Это одно из важнейших требований современного военного искусства, в частности эффективного политического управления (в том числе контроля) на всех уровнях использования военной силы.

Сегодня связь и системы управления (включая контроль) в силу «замыкания» «большой политики» на то, что традиционно считалось действиями в сугубо тактическом звене, должны быть не дис-

кретными, а сплошными — от высшего политического уровня до исполнительского звена. Это сложная, трудоемкая и ресурсоемкая задача, требующая больших средств, новых технических решений, а главное — изменения мышления и психологии значительной части командования. Все перечисленное справедливо и в отношении отмеченного нами *политического управления* применением военной силы на различных уровнях военного искусства.

Формула «интегрального полководца», предложенная отечественным военным теоретиком А.А. Свечиным еще в 1920-х годах, полностью актуальна и в современных условиях, хотя ученый выдвигал ее прежде всего применительно к будущей тотальной войне с исключительно масштабным использованием военной силы и огромным напряжением государства и общества. К сожалению, проблема «интегрального полководца» сегодня в должной мере не разрабатывается. Она вполне применима не только к крупномасштабным войнам, требующим широкой мобилизации экономических и людских ресурсов, но и к сравнительно ограниченному вооруженным конфликтам. Как уже было отмечено, они в современных условиях требуют постоянного *политического управления*, включая контроль со стороны высшего государственного руководства за действиями даже сравнительно небольших структур вооруженных сил. Иными словами, еще раз можно отметить, что речь идет о вмешательстве политики (в случае необходимости) в военные действия на всех уровнях военного искусства. Это же относится и к различным демонстрациям военной силы.

В настоящее время в России «интегральный полководец» — это, конечно, прежде всего президент — Верховный главнокомандующий Вооруженными силами РФ, имеющий собственный аппарат управления политико-военными, военно-экономическими, военно-стратегическими вопросами. Этот аппарат оказывает содействие главе государства в решении задач в том числе усилиями различных ведомств. Одной из важнейших фигур «интегрального полководца» является министр обороны — член высшего политического руководства страны, в непосредственном подчинении у которого находится начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ. К таким же фигурам относятся министр иностранных дел, министр внутренних дел и руководители спецслужб. При этом Министерство обороны должно обладать собственным штатом экспертов по политическим, экономическим, социокультурным аспектам использования военной силы в той или иной среде, равно как, например, в дипломатическом ведомстве должен быть достаточно высокий уровень понимания проблем силовых факторов в современной мировой политике, вопросов военного искусства.

Важной составляющей «интегрального полководца» являются лица, занимающиеся информационно-пропагандистским обеспечением применения военной силы — как внутри страны, так и на международной арене. Как небезосновательно отмечал начальник Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-полковник А.В. Картополов на военно-научной конференции «Уроки и выводы из опыта Великой Отечественной войны, военных конфликтов для эффективного решения оборонных задач, строительства и подготовки Вооруженных сил Российской Федерации с учетом перспектив развития военных и невоенных средств и способов ведения войны» в апреле 2015 г., «если в прошлом война на 80% сводилась к ведению боевых действий, а пропаганда составляла 20%, то в войнах нового типа 90% усилий приходится на информационное противоборство». Безусловно, к «интегральному полководцу» должны относиться и представители «экономического блока» правительства, содействующие финансово-экономическому обеспечению применения военной силы, вносящие свой вклад в оценку его задач и последствий для экономики страны. Это особенно важно и с точки зрения «введения неэкономических факторов в контекст анализа и прогноза перспектив экономического развития» [Ксенофонтов, 2002: 12; Кокошин, Бартенев, 2015], которое становится особенно актуальным с учетом последних тенденций в мировой экономике и мировой политике, непосредственно затрагивающих национальные интересы Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балахонцев Н., Медин А. Развитие форм и способов ведения военных действий в начале XXI века // Зарубежное военное обозрение. 2003. № 4. С. 25–26.
2. Буренок В.М. Технологические и технические основы развития вооружения и военной техники. М.: Граница, 2010.
3. Буренок В.М., Гладышевский В.Л. Информатика и вычислительная техника: перспективы развития и применения в военном деле // Вооружение и экономика. 2015. № 3. С. 17–32.
4. Буренок В.М., Ивлев А.А, Корчак В.Ю. Развитие военных технологий XXI века: проблемы, планирование, реализация. Тверь: Купол, 2009.
5. Велихов Е.П., Кокошин А.А., Сагдеев Р.З. Космическое оружие: дилемма безопасности. М.: Мир, 1986.
6. Воробьев И.Н., Киселев В.А. Отечественная военная теория: история и современность // Военная мысль. 2010. № 3. С. 43–49.
7. Воробьев И.Н., Киселев В.А. Эволюция принципов военного искусства // Военная мысль. 2008. № 8. С. 2–8.

8. Горбунов В.Н., Богданов С.А. О характере вооруженной борьбы в XXI веке // Военная мысль. 2009. № 3. С. 2–14.
9. Золотарев В.А. Грезы минувшего. М.: Кучково поле, 2002.
10. Кокوشин А.А., Бартенев В.И. Проблемы взаимозависимости безопасности и развития в стратегическом планировании в Российской Федерации: от целеполагания к прогнозированию // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6. С. 6–17.
11. Ксенофонтов М.Ю. Теоретические и прикладные аспекты долгосрочного прогнозирования // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2. С. 1–30.
12. Макарьев И.П., Ташлыков С.Л., Азисский Н.Ф. и др. История войн и военного искусства: проблемы стратегии, оперативного искусства и военного управления: В 2 ч. Ч. 2. М.: РИА ВАГШ, 2008.
13. Научно-технический прогресс и революция в военном деле / Под ред. Н.П. Ломова. М.: Воениздат, 1973.
14. Паршин С.А. Современные тенденции в теории и практике совершенствования управления вооруженными силами США. М.: URSS, 2009.
15. Паршин С.А., Горбачев Ю.Е., Кожанов Ю.А. Кибервойны. Реальная угроза национальной безопасности? М.: URSS, 2011.
16. Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX — начало XXI в. М.: Воениздат, 2008.

A.A. Kokoshin, Yu.N. Baluevskii, V.Ya. Potapov

**THE IMPACT OF THE LATEST TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF TECHNOLOGIES AND MEANS OF ARMED STRUGGLE
ON THE MILITARY ART**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

One of distinctive features of contemporary international relations system is its contraction — a rapid complexification and acceleration of interactions between various state and non-state actors. This phenomenon stems from the globalization and concurrent large-scale transformations in politics, economics and social spheres; a revolutionary impact of advanced information-communication and cognitive technologies and robotics. In this circumstances military art has also been undergoing fundamental transformation with changing conceptions of nature, objectives, potential and limitations of use of force. A theoretical understanding of opportunities and risks of use of advanced military technologies and its impact on correlation between different components of military art — strategy, operational art and tactics — is still lacking. This paper sheds light on the main particularities of the use of force in contemporary world politics and determines the most promising directions for future force development of certain great powers. Special attention is paid to the challenges

of control and command of all kinds of military operations. The paper provides an in-depth analysis of the concept of 'integral commander' and 'effects-based operations'. Progress in information and communication technologies allows to promote military command to a qualitatively new level, and use them in solving a wide spectrum of tasks. However, it leads to more stringent requirements in ensuring strategic, operation and tactical mobility of military forces and the quality of human capital. The paper emphasizes the growing role of high-precision munitions, air and space systems, non-traditional and non-lethal munitions. Overall, these trends form a complex of challenges to national security of the Russian Federation and call for an elaboration of new approaches to national security governance and linking activities of various agencies within a single policy strategy. The authors recall the A.A. Svechin's concept of 'integral commander' and emphasize its relevance in the current circumstances.

Keyword: military art, revolution in military affairs, strategy, operational art, tactics, information and communication strategy, robotics, 'integral commander', 'effect-based operations', mobility, selectivity, high-precision munitions, nuclear weapons.

About the authors: *Andrei A. Kokoshin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Dean of School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aakokoshin@gmail.com); *Yurii N. Baluevskii* — Retired General, Chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (2004–2008); Adviser to the Commander-in-Chief of the Internal Troops of the Ministry for Internal Affairs of the Russian Federation (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru); *Vladimir Ya. Potapov* — Retired Lieutenant General; Deputy Secretary of the Security Council of the Russian Federation (1998–2004); Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: safety@vosafety.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 'The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability'.

REFERENCES

1. Balakhontsev N., Medin A. 2003. Razvitie form i sposobov vedeniya voennykh deistvii v nachale XXI veka [The development of forms and methods of warfare in the beginning of the 21st century]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, no. 4, pp. 25–26. (In Russ.)
2. Burenok V.M. 2010. *Tekhnologicheskie i tekhnicheskie osnovy razvitiya vooruzheniya i voennoi tekhniki* [Technological and technical basis for arms and military equipment development]. Moscow, Granitsa Publ. (In Russ.)
3. Burenok V.M., Gladyshevskii V.L. 2015. *Informatika i vychislitel'naya tekhnika: perspektivy razvitiya i primeneniya v voennom dele* [Informatics and

- computing techniques: development prospects and possibilities of application in the military sphere]. *Vooruzhenie i ekonomika*, no. 3, pp. 17–32. (In Russ.)
4. Burenok V.M., Ivlev A.A., Korchak V.Yu. 2009. *Razvitiie voennykh tekhnologii XXI veka: problemy, planirovanie, realizatsiya* [The development of military technologies of the 21st century: Issues, planning, and implementation]. Tver', Kupol Publ. (In Russ.)
 5. Velikhov E.P., Kokoshin A.A., Sagdeev R.Z. 1986. *Kosmicheskoe oruzhie: dilemma bezopasnosti* [Space weapons: The security dilemma]. Moscow, Mir Publ. (In Russ.)
 6. Vorob'ev I.N., Kiselev V.A. 2010. *Otechestvennaya voennaya teoriya: istoriya i sovremennost'* [The Russian military theory: Past and present]. *Voennaya mysl'*, no. 3, pp. 43–49. (In Russ.)
 7. Vorob'ev I.N., Kiselev V.A. 2008. *Evolutsiya printsipov voennogo iskusstva* [The evolution of principles of military art]. *Voennaya mysl'*, no. 8, pp. 2–8. (In Russ.)
 8. Gorbunov V.N., Bogdanov S.A. 2009. *O kharaktere vooruzhennoi bor'by v XXI veke* [On the nature of armed struggle in the 21st century]. *Voennaya mysl'*, no. 3, pp. 2–14. (In Russ.)
 9. Zolotarev V.A. 2002. *Grezy minuvshogo* [Reveries of the past]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
 10. Kokoshin A.A., Bartenev V.I. 2015. *Problemy vzaimozavisimosti bezopasnosti i razvitiya v strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii: ot tselepolaganiya k prognozirovaniyu* [Security-development nexus in strategic planning in the Russian Federation: From goal-setting to forecasting]. *Problemy prognozirovaniya*, no. 6, pp. 6–17. (In Russ.)
 11. Ksenofontov M.Yu. 2002. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty dolgosrochnogo rognozirovaniya* [Theoretical and applied aspects of long-term forecasting]. *Problemy prognozirovaniya*, no. 2, pp. 1–30. (In Russ.)
 12. Makar I.P., Tashlykov S.L., Azisskii N.F. et al. 2008. *Istoriya voin i voennoy iskusstva: problemy strategii, operativnogo iskusstva i voennogo upravleniya* [The history of wars and military art: The issues of strategy, operational art, and military planning]. Moscow, RIA VAGSh Publ. (In Russ.)
 13. Lomov N.P. (ed.). 1973. *Nauchno-tehnicheskii progress i revolyutsiya v voennom dele* [Scientific and technological progress and the revolution in military affairs]. Moscow, Voenizdat Publ.
 14. Parshin S.A. 2009. *Sovremennye tendentsii v teorii i praktike sovershenstvovaniya upravleniya vooruzhennymi silami SShA* [Current trends in theory and practice of improvement of the US military command]. Moscow, URSS. (In Russ.)
 15. Parshin S.A., Gorbachev Yu.E., Kozhanov Yu.A. 2011. *Kibervoiny. Real'naya ugroza natsional'noi bezopasnosti?* [Cyberwars. A real threat to national security?]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)
 16. Usikov A.V., Burutin G.A., Gavrilov V.A., Tashlykov S.L. 2008. *Voennoe iskusstvo v lokal'nykh voinakh i vooruzhennykh konfliktakh. Vtoraya polovina XX — nachalo XXI v.* [Military art in local wars and armed conflicts. Second half of the 20th — beginning of the 21st centuries]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)